

преподавал там с 1362 г. и дважды был ректором Парижского университета (1361 и 1375), а затем стал ректором Гейдельбергского университета. Терминизм вовлек его в скептицизм не более, чем Буридана. Марсилий проводит различие между математическим доказательством, бессильным доказать существование Бога, и метафизическим, которое способно это сделать, как это продемонстрировал, например, Дуне Скот. На путях метафизики можно также доказать, что Бог един и является причиной возникновения и сохранения всего; но тем самым можно лишь доказать, что творение «ex nihilo» возможно лишь благодаря естественному свету. Только вера позволяет утверждать о существовании беспредельного и свободного Бога, который может в одно мгновение сотворить множество существ, в том числе самую материю, без всяких посредствующих причин. Уже Буридан учил, что «in lumine naturali pop est notum Deum esse infiniti vigoris»*. Здесь Марсилий только следует за своим учителем, но мы видим, что в определенных доктринах XIV века возникают попытки поискать, не сливаются ли в конечном счете два направления теологической критики — Скота и Оккама.

Парижский коллега Марсилия Генрих из Хейнбуха (или из Лангенштейна) с 1363 г. преподавал в университете философию, а затем, с 1376 по 1383 г., — теологию. В 1384 г. он оказывается в университете в Вене, где и умирает в 1397 г. Именно во время пребывания в Вене им были написаны «Вопросы к книгам Сентенций» («*Quaestiones super libros Sententiarum*»). Это произведение чрезвычайно разнообразно по тематике: оно содержит обширный комментарий к трем первым главам Книги Бытия, трактаты по физике: «О сведении специфических действий к общим свойствам» («*De reductione effectuum specialium in virtutes communes*»), «О виде причин и распространении общей природы относительно низшей» («*De habitudine causarum et influxu naturae communis respectu inferiorem*»), по астрономии: «Об отклонении эпициклов и концентричностей» («*De improbatione epiciclorum et concentricorum*»), по экономике: «О контрактах по купле-продаже» («*De contractibus emptionis et venditionis*»), а также «Письма» («*Epistola*») на ту же тему, не говоря уже о множестве писем, вызванных расколом 1378 г.** и трактатах об аскетике: «О созерцании мира» («*De contemptu mundi*»), «Зерцало души» («*Speculum animae*»). Как и Генрих из Хейнбуха, окончил свои дни на теологическом факультете в Вене его парижский коллега и друг Генрих из Ойты (Heinrich Totting von Hoyta). Он преподавал в Париже и Праге. Ему мы обязаны «Вопросами к "Исагогу"», тремя трактатами о душе и ее способностях («*Tractatus de anima et potentiis ejus****»), сочинением по экономике «Нравственный трактат о контрактах по годовым платежам» («*Tractatus moralis de contractibus reddituum annuorum*»), а также «Комментарием к Сентенциям». Его произведения иногда путают с произведениями другого Генриха из Ойты (Henri Pape d'Oyta), который тоже преподавал в Праге в 1369 г. Большинство произведений Генриха из Хейнбуха и Генриха из Ойты до сих пор не изданы, но некоторые предварительные иссле-

Глава IX. Философия в XIV веке 518

дования их рукописей наводят на мысль об их принадлежности к парижской школе Буридана.

В XIII веке в Париже культивировалась логика, а естественные науки были почти преданы забвению, тогда как в Оксфорде их изучали, не забывая, впрочем, и о логике. Создается впечатление, что в следующем столетии интерес к научным проблемам в Париже стал сильнее, чем в Оксфорде. П. Дюзэм считает даже, что Оксфорд породил такой логицизм, что он оказал дурное влияние на саму математику и что эта логистическая математика своим неудачным возвратным движением вызвала в XV веке упадок парижской схоластики. Эти широкие перспективы соблазнительны и даже полезны, лишь бы ученые